

Борис ГРИНБЕРГ

*

Соседка в храм, сосед за гаражи,
он скоро — в хлам, ей — целовать иконы...

Понятная, заведомая жизнь.

А мы с тобою ловим покемонов.

И что с того, что не по двадцать пять,
что пиршество закончилось гормонов.

Мы молодые, юные опять

и, радостные, ловим покемонов.

Мир в кризисе, он катится в кювет,
все мысли о баррелях, о галлонах,
о Путине... а нам и дела нет,
у нас дела — мы ловим покемонов.

Закрыв глаза, я вижу, как тогда,
совсем тогда, ещё до «время Оно»,
не ведая ни гнева, ни стыда,
Адам и Ева ловят покемонов.

ПЕСЕНКА

С котом-скотом, с котомкой за плечом
шёл человек, который не при чём,
при чём, при всём при этом и при том,
он шёл и шёл с котомкой и с котом,
с котом-скотом, с котомкой за плечом.
Шёл человек, который не при чём.

С котом-скотом, с котомкой на плече
шёл человек, наверное, к мечте,
с котом-скотом, с котомкой за плечом
шёл человек, который не при чём,
при чём, всегда и всюду не при чём,
и даже в этой песне ни о чём.

ДВУСТИШИЕ С ПОСТСКРИПТУМОМ

навстречу шёл японец
на встречу шёл японец

P.S.

покуда рифму я искал
для первого японца
второй смиренно мир вдыхал
и щурился на солнце
он взглядом змея запускал
(и тот парил на фоне скал)
он смыслы бытия искал
он в круге рисовал овал
он ждал и шёл и шёл и ждал
чтоб я его зарифмовал
уже и рифму я нашёл
какую-никакую
а он всё шёл и шёл и шёл
шёл каждый шаг смакуя
он жил и шёл он шёл и жил
не торопился не спешил
ведь он не шёл на встречу
он просто шёл навстречу

С ЧЕМОДАНОМ И ФУТЛЯРОМ*

Посвящается А.М. и А.М.

с чемоданом и футляром
я влачусь в центральный парк
где сейчас гуляют пары
выдыхая ртами пар
я приду займу скамейку
или лавочку займу
и не подберу копейку
а десятник подниму
закурю о чём-то вечном
и открою чемодан
чуя как крылатит плечи
рифма коих никогда...
а потом футляр открою
и ныряя с головой
из далёких непокоев
в беспардонный беспокой
я подумаю недаром
и почувствую не зря
я влачился по бульвару
с чемоданом и футляром
с недосыпа с перегаром
на гуляющие пары
зенки красные хмурия

*

время говорит "тик-так"
сердце говорит "тук-тук"
а однажды просто так
сердце скажет просто "тук-..."

*

девочка плачет
я больше не буду
за мамой несётся
я больше не буду
и плачет и плачет
я больше не буду
я больше не буду

так все мы когда-то
я больше не буду
кричали и плакали
больше не буду
когда же отчётливо вдруг понимаешь
что больше не будешь
что ты лишь однажды
и больше не будешь
не будешь
не будешь
становится страшно
и хочется плакать

*

Представить разве мог,
не верится, скажи,
что в десять тысяч строк
уместится вся жизнь...
а если не считать
никчемных, проходных...
жизнь — тонкая тетрадь.

Не хочешь полистать
на выходных?

* «Чемодан» — книга Анатолия Маковского,
«Футляр» — книга Антона Метелькова.

*

Меня вы толком не запомните,
останусь бликами да пятнами.
Конечно, мне хотелось — понятным,
но требовалось-то — понятным.

Стихи без продыха, без выхода,
к чему — ведь всяко не цыганочка...

Пиши шансон, оно хоть выгодно,
страна и время хули-ганские.

Стихов без выхода, без продыха,
набитых под завязку тайнами,
вы не возьмёте и в дом отдыха,
не то, что на необитаемый.

Останусь пятнами да бликами,
и это в самом лучшем случае,
а в худшем — памятной табличкою
на сером доме скучной улочки.

*

это просто стихи
просто это стихи

стихи — это просто

*

Иду по роще, пишу слова, те, что руке подсказывает голова, пишу аккуратно, чтобы не ранить, избегаю пафосных, игнорирую бранные... Слово, написанное на листе бумажном, в линейку, в клетку или просто на чистом белом — не важно, это слово, хорошее слово или плохое слово... Словом, слово в котором нет ничего такого этакое. Другое дело писать на листе кленовом, ещё лучше дубовом... Конечно, писать на бумаге проще, но я-то иду по роще. Иду, и слова, что в моей голове, пишу на листве. Один оторвался, сжимаю в горсти. И ухожу. А стихи остаются расти.

*

Меня учили дисциплине,
сотне дисциплин.
А я бежал дорогой длинной,
где, куда ни плюнь,
колдуны и великаны,
Гитлер, Чингисхан,
злбный инопланетянин,
хитрый лепреккон.
Говорили мне: «так надо»
и «вот так — нельзя»,
а я нашёптывал «Гренаду»
захватчикам назло.
А я командовал фрегатом,
был мой парус бел,
стрелял по звёздам из рогатки,
даже пару сбил.
Потом я вырос. Как-то сразу.
Мир сразу опустел.

Достал из тайника два страза
и в небо отпустил.

*

собирались разобраться,
собрались, разобрались...

*

слишком много людей, да и всех слишком много —
воробьёв, котов, комаров и крыс,
слишком много вверх, слишком много вниз,
влево, вправо, кругом слишком много бога...
никогда ещё не было так одиноко

*

Человечек недалёкий, но близкий —
мой лирический герой-современник,
прозябающий в Хреновосибирске
без зарплаты, иногда и без денег,
на правах, как говорится, на птичьих,
что витанью в облаках не помеха...
Впрочем, чаще не орёл, так, синичка,
просто день прожить — добиться успеха.
Мой лирический герой, он — романтик,
хоть бывает и циничен до боли,
верит черному коту и ромашке,
а тоска накатит, верит и в Бога.
Мой лирический герой вне контекста,
вне политики, религии, спорта,
быть лирическим ему слишком тесно,
а героем так и вовсе — ссыкотно.
Мы во многом (не во всём) с ним похожи,
и я думаю, стихи начиная:
вот сижу, пишу его, но возможно,
это он сейчас меня сочиняет.

